

УДК 82-94
doi 10.17072/2073-6681-2026-1-126-135
<https://elibrary.ru/kaiqjw>

EDN KAIQJW



Сельский нелитературный дневник: фигура адресата и отраженная повседневность

Смирнова Алёна Вячеславовна

аспирант кафедры русской филологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. alenasmirnova21082000@yandex.ru

SPIN-код: 9795-7983

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7283-089X>

Королёва Светлана Юрьевна

к. филол. н., доцент кафедры русской филологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. petel@yandex.ru

SPIN-код: 4734-5735

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

ResearcherID: R-9645-2017

Статья поступила в редакцию 18.08.2025

Одобрена после рецензирования 26.11.2025

Принята к публикации 30.11.2025

Информация для цитирования

Смирнова А. В., Королёва С. Ю. Сельский нелитературный дневник: фигура адресата и отраженная повседневность // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 1. С. 126–135. doi 10.17072/2073-6681-2026-1-126-135. EDN KAIQJW

Аннотация. В статье рассматриваются «наивные» нелитературные дневники, отображающие повседневность сельского жителя конца XX – начала XXI в. Материалом исследования послужили два дневника, принадлежавшие жителям Юрлинского района Пермского края. В работе выявляются значимые жанровые характеристики дневниковых текстов, а также отразившиеся в них аспекты сельской частной жизни. Каждый из дневников имеет ярко выраженные формальные особенности: в одном случае это наличие визуальных элементов, в другом – коллективное (парное) авторство. Это во многом определило предмет нашего анализа: в статье характеризуются такие стороны дневниковой поэтики, как фигура адресата, стиль авторского письма, структура и функции записей, их визуальное оформление. В обоих случаях сельские личные дневники включают жанровые признаки хозяйственной записной книжки и дневника погоды. В парном дневнике усложняется фигура адресата, поскольку, помимо автокоммуникации, с помощью записей осуществляется опосредованное общение между соавторами-супругами. Основное внимание уделено анализу отраженной в дневниках повседневности, позволяющей реконструировать «внутренний» взгляд на сельскую жизнь переходной эпохи. Авторы дневников сосредоточены на «ближнем мире», в записях фиксируются повседневные хозяйственные работы, социальные контакты ограничены родственными связями и коммуникацией внутри сельского социума. В лаконичных описаниях будней, праздников, конфликтов и ситуаций взаимопомощи проявляются гендерные и возрастные установки, представления о социальных нормах и девиа-

циях. Дневниковые записи отражают продолжающуюся трансформацию сельского уклада, переход к модерным практикам не только в общественной, профессиональной, но и в приватной, личной сфере жизни.

Ключевые слова: русские-юрлинцы; современная рукописная традиция; наивное письмо; повседневность; коллективный дневник; эго-документы; полутрадиционное общество.

Открытие «наивной» письменности произошло в российской науке три десятилетия назад [Козлова, Сандомирская 1996; Неклюдов 2001], с тех пор изучение непрофессиональных текстов остается актуальным направлением социогуманитарных исследований. В число анализируемых жанров входят и сельские дневники [Дневник М. П. Суловой 2007; Адоньева 2013].

Широкое распространение любительской литературы в Юрлинском районе Пермского края можно объяснить влиянием старообрядческой культуры, где ценится грамотность, пусть прежде всего религиозная. Другой фактор – «островное» положение русского населения, обостряющее чувство культурной идентичности и подталкивающее к поиску форм ее выражения [Бахматов и др. 2003: 3–7, 12–17]. Богатая рукописная традиция (в том числе сфера наивной письменности) русских-юрлинцев уже рассматривалась специалистами [Королёва 2014, 2015; Четина, Ключикова 2016; Беломестнова, Осипова 2016; Королёва, Тихонова 2024]. Однако дневниковые тексты не становились объектом анализа, что и определяет новизну нашей работы.

В качестве материала использованы нелитературные дневники, охватывающие примерно одинаковый промежуток времени – конец XX – начало XXI в. Предметом рассмотрения стали фигура адресата и отраженная в записях повседневность. Особенностью первого дневника является его яркое визуальное оформление; специфика второго заключается в том, что он коллективный (парный): его вели супруги.

Фигура адресата в сельском дневнике

Автор первого дневника – Василиса Ивановна И.¹, 1933 г. р., жительница д. Новосёлова. Она окончила восемь классов, работала дояркой и училась в Кудымкаре на зоотехника, занималась партийной деятельностью, была редактором стенгазеты. Участники фольклорной экспедиции ПГНИУ в 2014 г. записали с ней интервью, в ходе которого Василиса Ивановна рассказала о своей биографии и позволила сделать фотокопии дневника.

Дневниковые записи она вела преимущественно для себя: *А мне внуки говорят: «Бабушка, чтоб ты никуда это не девай, это нам пригодится». А чё тут, чё я вам скажу, ничё не скажу. Это я сама для себя только²*. Писать раньше не начала из-за недостатка времени

(*Нет, недосуг было, тогда на работу. <...> Ой, такая куча, еще боронить надо было*). Когда возможность появилась, дневник стал для нее, с одной стороны, приятным «излишеством», позволяющим проявить творческий потенциал, а с другой стороны, он необходим, так как удовлетворяет коммуникативную потребность: *Каждый божий день пишу, хоть ничего не делаю – все равно*. На момент интервью в деревне оставалось 6 домов, в одном из которых проживала автор с недееспособной дочерью. Именно это обстоятельство во многом объясняет обращение Василисы Ивановны И. к дневниковому жанру. В такой среде дневник становится собеседником, позволяет выговориться.

Записи велись на протяжении 23 лет. Дневник состоит из трех тетрадей: первая заполнялась с 1990 по 2006 г., вторая – с 2006 по 2013, третья – с 2013 по 2014. В тетради вложены открытки, бумажные иконы, рецепты, фотографии и т. п.

Почерк Василисы Ивановны разборчив, но из-за обилия сокращений записи носят телеграфный характер: *12 +1° – навоз воз. весь двор учеред.; Я с Лид. коп. карт. Ольс. Валь. в лес*. Они однотипны по структуре: содержат дату, температурные показатели и краткое упоминание значимых событий. Дневник ведется ежедневно или с небольшими интервалами (ср. в интервью: *Вот видишь, девятнадцатое, восемнадцатое, пятнадцать, двадцать, двадцать два... Каждый божий день, сколько лет...*). В редких более развернутых записях автор дает оценку событий, выражает душевное состояние: *31 – 12° – Ольга, Гафур ух. мне очень скучно, очень тоскую; Весь день тяжело-грустно, провела день очень тяжело. вся не могу, тоска замучила; Все было весело было*. Василиса Ивановна пережила смерть мужа, она живет в почти заброшенной деревне. Эти и другие печальные факты биографии в дневнике либо отсутствуют, либо упоминаются крайне лаконично.

Темперамент и творческое начало автора проявляются в оформлении записей. Указание года и месяца часто сопровождается изображением небольших цветов или орнаментом, которые могут служить как самостоятельными элементами, так и рамкой. Важные события и даты тоже выделяются визуально: изменением цвета, шрифта, размера и расположения текста, подчеркиваниями и рисунками.

Второй дневник принадлежал супругам Анфисе Николаевне и Григорию Михайловичу А.

Это амбарная книга с 28 страницами текста, она заполнялась с 1986 по 1995 г. Записи были обнаружены в 2016 г. в д. Мухоморка в ходе фольклорно-диалектологической практики студентов-филологов ПГНИУ. Дневник хранится в качестве семейной реликвии у Нины Григорьевны Сятчихиной, близкой родственницы авторов. Она дала согласие его на копирование и прокомментировала некоторые эпизоды.

Этот дневник парный. Одним из его авторов была Анфиса Николаевна А. (1932–1998), уроженка д. Осинка. Во время войны она с сестрой ходила по домам, нанимаясь на работу или живя подаванием. Окончила три класса, позднее работала уборщицей в клубе, родила и вырастила трех дочерей.

Первая запись сделана Анфисой Николаевной, что позволяет утверждать, что именно она решила вести дневник и начала его. Вероятно, одним из ее мотивов – но далеко не единственным – стало желание оставить свидетельство о прожитой жизни. В интервью Н. Г. Сятчихина рассказывает: *Детство было тяжелое, ей очень трудно это все доставалось самой, она старалась сохранить. Для кого-то сохранить*³.

Для хозяйки дневник выполнял квазидиалоговую и релаксационно-терапевтическую функции. В нем часто встречаются записи, которые содержат жалобы на мужа, здоровье, жизнь в целом (*вот такие мои дела тяжела моя жизнь*), упоминаются разногласия с супругом, эпизоды агрессии с его стороны: *Дак он меня на чем белый свет стои так выкастил и сам один бутылку выпил; Алкоголик напился меня наколотил 2 раза дал по голове один раз в бок покое место и 2 раза нул.*

Записи сделаны аккуратным почерком, в них почти отсутствуют знаки препинания, не соблюдаются орфографические нормы. Дневниковые заметки Анфисы Николаевны можно разделить на две группы. Первая – «жалобные» тексты, написанные неструктурированно, без деления на предложения, что может указывать на повышенное эмоциональное состояние автора в момент письма: *11 на 12 спал Иван а Этот Иван немного не дурманит и они до 2-х часов не спали а я на печке была и тоже не спала алкоголь утром встал в 7 час и ничиво не говоря 20 м 8 ушел с дому. Другой тип записей отличается краткостью, текст начинается с календарных данных и содержит упоминание одного-двух эпизодов, связанных с хозяйственными делами: *14 мая спахали огород утром и сразу стали садить посадили не всю картошку; 1 июня с рассадики сделала 112 лунок делали переходы белая маленькая ягнилась 10 июня два ягненка.**

Второй автор этого дневника – Григорий Михайлович А. (1920–19(?)), супруг Анфисы Нико-

лаевны. Он прошел войну, побывал в концлагере. После возвращения окончил сельхозтехникум, писал фельетоны в газету. Приобрел швейную машинку и шил по заказу односельчан, что давало семье дополнительный заработок.

Почерк Григория Михайловича менее разборчив, записи отличаются большей грамотностью и четкой структурой. Они начинаются с календарных данных и содержат краткое описание основных событий дня: *10/XI Отметали сено на повити; 13/XI ездил в Кудымкар к Гале. Увез картошку и еще кое-чего. Время с 11 час до 4 час вечера.* Часто указываются погодные условия – температура, направление ветра, осадки: *Снег не преставал идти – т-ра – 0-1 °C; 18/XII Метель, снег, ветер южный после субботы); «19/II 86 г т-ра = 8 °C опять метель невидать человек за 10 метров ветер южный, крепкий.*

Личный дневник пишется автором без участия посторонних, зачастую тайно. Коллективный дневник предполагает соавторство. В анализируемом случае каждый участник процесса пишет самостоятельно, как бы ведя отдельный дневник на общем текстовом поле. Анфиса Николаевна и Григорий Михайлович делают записи независимо друг от друга, оформляя их отдельными блоками или начиная с новой страницы.

Нелитературный дневник – интимный текст, создаваемый человеком для себя. Поэтому, если рассматривать такой дневник с точки зрения коммуникации, его адресатом является сам адресант, то есть автор. Наличие соавтора усложняет ситуацию, хотя в юрлинском парном дневнике тоже есть записи, предназначенные лишь для личного прочтения. Например, Григорий Михайлович часто сокращает слова, пишет совсем неразборчиво. Тексты обоих авторов изобилуют подчеркиваниями и заметками, смысл которых невозможно понять постороннему.

Однако дневник предполагает наличие не только прямого, но и косвенного адресата. В этой роли могут выступать родные и близкие автора или более широкий круг будущих читателей. Косвенный адресат – потенциальный участник коммуникации, тот, к кому «говорящий не обращается, но чье присутствие влияет на выбор формы и отчасти содержания высказывания, которое он делает» [Зализняк 2010].

Можно предполагать, что косвенным адресатом дневника супругов являются их дочери или внуки. По отношению к ним амбарная книга выполняет меморативную функцию: с ее помощью авторы пытались сохранить память о себе, попутно передавая полезную хозяйственную информацию. Наличие «запланированного» косвенного адресата позволяет реконструировать множественные пояснения, снабжающие повест-

ование: *Таню оставила на поляне (выше клуба поляна с маленькими елочками); Там я знала только Валу (мою подругу) и Свету ББ.* Для автора, обладающего необходимыми знаниями, эти уточнения бесполезны, однако постороннему читателю они помогут разобраться в тексте. Встречаются высказывания, адресованные не только себе, но и постороннему читателю, из-за чего дневниковые записи принимают сходство с эпистолярным жанром: *вот такие мои дела; вот такие мои дела незнаю что будет дальше.*

Наличие косвенного адресата позволяет реализовать квазидialogовую функцию дневника – «излить душу» в процессе письма. Однако в коллективно создаваемом тексте помимо квазидialogовой появляется и функция непосредственно «dialogовая». Если обычный дневник предполагает лишь потенциального читателя, то в случае с парным автор не сомневается, что его записи будут в ближайшее время прочитаны соавтором, и действует в соответствии с этим знанием. Традиционный дневник парадоксален, поскольку это текст, «с одной стороны, не предназначенный к прочтению, однако, с другой стороны, в той или иной мере к этому прочтению тяготеющий» [Дубнякова, Кашина 2017: 46]. Парадокс коллективного дневника в том, что он также не предназначен к прочтению и в то же время автор точно знает, что его записи будут прочитаны.

В юрлинском дневнике между супругами выстраивается своеобразный диалог. Одной из функций амбарной книги становится организация опосредованной коммуникации между соавторами, которые своими записями стремятся корректировать поведение партнера, оправдывают собственные оплошности. Так, Анфиса Николаевна жалуется на ревность мужа, считая ее безосновательной: *5 января целый день проспал вечером опять стал бушевать как он меня сумел так и выкастил всю деревню приревновал.* На жалобы жены Григорий Михайлович отвечает короткой припиской: *была поддтая.* Пример, демонстрирующий прямую диалогичность, не единичен. В ответ на запись супруги: *14 января утром встал и говорит почему открыты занавески мороз, окна трещат я открыла и он привязался к занавескам,* – муж в почти официальной манере подтверждает ее слова, ставя свою подпись и дату: *написано верно Было все так, как и было История покажет (подпись). 19/1 – 86 г.* Прослеживается сознательная предназначенность записей не только соавтору, но и другим косвенным адресатам. Потенциальные читатели, такие как дочери или внуки, как бы вовлекаются в конфликтную ситуацию, возникшую между супругами.

Есть в тексте и случаи косвенной коммуникации между соавторами, особенно заметные в записях Анфисы Николаевны. Жалобами на мужа, формально не адресованными никому конкретно, она стремится повлиять на его поведение: *Это же самое длилось с самого начала нашей совместной жизни терпение мое лопнуло надо другое что то думать»; «Незнаю чево делат все ревнует не знаю к каму уже всех приревновал сейчас незнаю к кому будет ревновать вот такие мои дела незнаю что будет дальше 2 часов вечера.* Адресант, сообщая о своих мыслях, провоцирует на ответ, и, как показывают примеры выше, иногда ответ следует. Так коллективный дневник становится полем своеобразной игры: зная, что запись будет прочитана, пишущий не обращается к соавтору напрямую, а ведет неявную и непрямую коммуникацию, приспособив для этого формальные приемы дневникового жанра.

Отраженная в нелитературных дневниках сельская повседневность

Жанр нелитературного дневника имеет лингвистическую, краеведческую, историческую и культурологическую ценность [Дневник М. П. Суловой 2007: 7]. В нем интересны не только жанровые и коммуникативные особенности «наивных» текстов, но и запечатленная повседневная жизнь сельского жителя. Авторы анализируемых дневников вели их примерно в одно и то же время, на рубеже XX–XXI вв., и проживали в одном сельском поселении, поэтому их записи отражают во многом общие реалии.

Все упоминаемые в текстах объекты для удобства их описания можно сгруппировать в три раздела: 1) природные – среда обитания человека (вещи «вокруг» и «для» него, события во времени и пространстве); 2) социальные (семейные и общественные обязанности, профессиональная деятельность и т. д.); 3) ментальные объекты (ценностные представления, гендерные и возрастные установки и т. п.) [Банникова 2011: 21–22].

В обоих дневниках в разной мере отражены три уровня организации времени. Первый – суточный цикл. Хотя в дневниковых текстах часто упоминается время суток, конкретные «отсечки» встречаются редко, что, по-видимому, обусловлено лаконичностью записей. Точный час указан, если время действия отклоняется от обычного или событие субъективно значимо: *и они до 2-х часов не спали* (дневник Анфисы Николаевны и Григория Михайловича А., далее – [ДА]); *29.8 – Таня с Леной уехали с Гафуром в 6 час. вечера, дала Тане 5 т.; 3 – 0 – УМЕРЛА АНФИСА 3–4 часу дня 14–15 лет* (дневник Василисы Ивановны И., далее – [ДИ]).

Второй уровень временной структуры – годовой цикл. Он неразрывно связан со сменой времен года. Авторы фиксируют сезонные изменения, поскольку они влияют на хозяйственную деятельность: *напал снег первый раз 6 ноября 87 года; 29 – 30/III ушел лед на реке; 21 мая первый раз выпустила коров [ДА]; 14 +3° – пожалуй не работ. дождит, ночью на 15е во 2ом и 3ем часу ПЕРВЫЙ ГРОМ, туман дождь; 3 -10° – помидоры посадила [ДИ]*. Внимание уделяется даже первым поспевшим овощам: *3 июля сняла 2 огурца на окрошку первый раз [ДА]*.

В дневнике Анфисы Николаевны и Григория Михайловича почти не упоминаются государственные и религиозные праздники. Две записи с указанием праздничного дня связаны исключительно с хозяйственной деятельностью: *стригла одну овцу до крешенья а вторую на завтра крешенья; 13 мая кастрировали (3 барана в радольницу) [ДА]*. Праздничные даты для авторов имеют функциональный смысл: это ориентиры внутри более важного хозяйственного календаря.

Василиса Ивановна И., напротив, придает особое значение светским и православным праздникам, выделяет их в дневнике шрифтом и иллюстрациями. В ее тексте упоминаются Новый год, Старый Новый год, Рождество, Покров, масленичная неделя, Семенов день, Петров день, Вербное воскресенье, Благовещение, Пасха, День пожилого человека, 8 Марта, Крещение, Родительская суббота, дни рождения родственников и друзей. Праздники с размахом отмечаются, сопровождаются застольем, приездом к автору детей, внуков, друзей: *«8 -3° ездили-возили Вася Штейн. на праздн. Победы Ваня, Таись. я 3е конц. угощ. хорошо, пьяненькая была» [ДИ]*. Внимание к праздничным деталям может быть объяснено общительной натурой автора, стремлением поддерживать связи с близкими.

Еще один уровень – «линейная стрела времени, динамика исторических событий и событий жизни автора текста» [Арустамова 2016: 85]. Дневник супругов велся 9 лет, за это время в мире произошли политические и общественные события разной значимости, однако упоминания о них в записях отсутствуют. Авторы не интересуются общественной жизнью – по крайней мере настолько, чтоб отразиться в дневнике. События, принадлежащие «ближнему миру» (личные и семейные и истории, произошедшие в селе случаи), фиксируются без комментариев и явных эмоциональных оценок: *Вальку Куму убил Андрюша сын вот такое дело; 12 марта приезжала Нина хрястит Грышу; 22 фев были сорочкины по Елизавете [ДА]*.

В дневнике Василисы Ивановны И. историческое время раскрыто более детально. 23 года записей позволили отразить события из жизни ав-

тора, ее родных и знакомых (*16 +2 Дедушку в больн. на скорой. Я с ним, ночь в больн.; 1+ Хоронили Ваню; 3.10 – женился Колька*) [ДИ], политические и общественные происшествия (*1-30 – Патриарх Кирилл стал святейшим всея Руси»; 8 – Филиппины погибло – много; разбился самолет; 14.3 -7 Выборы президента; 26.12 – ЦУ-НАМИ*) [ДИ]. С юности вовлеченная в активную политическую жизнь, Василиса Ивановна отличается широким кругом интересов, следит за событиями в мире, о чем говорит и в интервью: *Мне все интересно, я чё!..*

Обратимся к отразившемуся в дневниковых текстах пространству. К «ближнему миру» относятся внутренние локусы села. В коллективном дневнике центром выступает дом авторов и их двор, где находятся огород, баня, яма, дровяник, парники – с ними связано большинство записей. В «ближний мир» Анфисы Николаевны включается также изба Степана Петровича, с которым она сошлась после смерти мужа: *Сошлись со Степаном Петр. 29 июня 19<нрзб.> года, 20 апреля выбелила у Степана в избе*. Упоминаются и другие сельские объекты, часто посещаемые авторами: клуб, где работала Анфиса Николаевна, школа (*9 марта дала в школу на выставку полотенце кокошник и половик отдала*), аптека [ДА].

«Ближний мир» Василисы Ивановны также включает дом (*28 -2° снег дома прибир. полы, мосты в обеих избах, Оль, стир. я самогон гнала, Вера помогла в избе и мосты мыла*), огород, двор с баней (*-28° - 31 – баню ход. вечером выпили по 1ой рюмке, Вас. 2е смотр. телевизор*) и многочисленные хозяйственные постройки: овощную яму, дровяник, хлев, сарай, сеник (*12 - 17° – сено 2 промеж, из своего огор. носили на санках, я, Валь. Мех. Серь. Таня раза 2-3 на вилах. под нав. сеник*), гараж, свинарник (*Лид. Валь. Вить. Нюрка, провод. до Зулы. буксов. у свинарн. и до лесика толкали выкапыв. и в Зуле пили пиво*) [ДИ]. Однако «ближнее» пространство этого автора расширяется за счет часто посещаемых локусов соседних деревень: магазина (*я Лид. ход. магаз. купили то др. по немного*), клуба (*7 – Зула с Юрой, Таис. в клуб, пиров. пели, ели*), почты [ДИ].

Ойкумена авторов почти ограничена Пермским краем. Большинство поездок связано с хозяйственными работами, визитами к родственникам и в больницу. В дневнике супругов встречаются упоминания деревень Елога и Мухоморка, поселка Касимовка, села Юрла, городов Кудымкар (где живет еще одна дочь авторов) и Пермь. В дневнике Василисы Ивановны фигурируют примерно те же места, при этом их упоминания регулярны, что свидетельствует о мобильности автора (на момент знакомства с собирателями она ездила на мотоцикле).

«Большой мир» отражен в записях опосредованно. В сельской повседневности конца прошлого века элементы традиционного уклада сочетаются с «новыми, уже “модерными” практиками» [Козлова 1996: 61], которые становятся естественной, рутинной частью бытовой культуры. Связь с «большим миром» и досуг обеспечивают телевидение (*он выпил стопочку включил телевизор шел художественный фильм про Ленина [ДА]; смотрели телевизор – скука; кина смотр. с Лидкой; носок немн. вяжу, телев. смотрю [ДИ]*), журналы (*читали здоровья золотой корешок цикории о сердечных заболеваниях от всей внутренности [ДА]*) и радио (*5 декабря слушала радио и сказали открыт цех для выделки шкур в Косимовке [ДА]*).

В записях чаще всего фигурируют локусы «ближнего» мира. Этой тенденции соответствуют и упоминаемые авторами контакты. В пределах ойкумены для авторов нет незнакомцев, записи насыщены собственными именами: *пришел Толя Юрев принес шить на мотоцикл сиденье; 15/XII приезжал Толя из Кудымкара [ДА]; 20 – Вася, окна коноп. Витя, Валь, сватья Маша, Таня, Лид. по грибы; оль. Гафур в доме у М.С. что дел. не знаю, а мы с Таись. пили с утра. Там. Зула по гостин. и пиво 3 бут [ДИ]*. В этом «тесном» мире взаимопомощь становится важнейшим условием выживания. В деревнях с малочисленными жителями, подобных той, где живет Василиса Ивановна, подмога со стороны соседей просто необходима.

Однако слишком тесные взаимоотношения становятся порой источником конфликтов. Анфиса Николаевна поссорилась с *Нюрой Игорихой*, публично ее осуждавшей: *они все говорили что я сплю на готовой постеле матрацах это все Игориха Таня ей жалко стало Степана меня зовет кобылой [ДА]*. Ранее помогавшее сообщество становится «карающим»: посредством сплетен оно регулирует социальные отношения и следит за соблюдением принятых норм. К «отклоняющемуся» и осуждаемому поведению, как можно заметить, относится повторный брак молодой уже женщины.

Сельский мир порицает и алкоголизм. Записи Анфисы Николаевны изобилуют сетованиями на мужа-алкоголика. Но крепкие напитки (водка и «кислуха») оцениваются негативно только в случаях их чрезмерного употребления. В остальных ситуациях «пировать» – вполне нормальная форма досуга, что отражают женские записи: *я ему сказала что Галя послала водку но я сама поставила на стол бутылку мы по сто выпили он ушел в клуб [ДА]*. Иногда алкоголь закупается на всё село: *3-/X Купили 10 бут. водки на село и свинью на сумму 77 рублей (7–70) [ДА]*.

Анализ юрлинского парного дневника позволяет выявить распределение гендерных ролей в повседневных практиках. В записях заметно разделение домашней работы на «мужскую» и «женскую». Чисто мужской работой считается вязка сетей для рыбалки, охота, поездки по делам, женской – работа в огороде, приготовление пищи и т. п. Взаимоотношения супругов отражаются преимущественно в виде упоминаний о совместной хозяйственной деятельности (тогда преобладают глагольные формы 1-го лица, мн. ч.): *12 огурцы выташили воду шланг; 30 мая спахали огород утром; 2/XI – 85 г Закололи поросенка [ДА]*. Записи содержат упоминание множества овощей: хозяева выращивают калегу (брюкву), капусту, помидоры, картошку, чеснок, лук, репу, редьку, огурцы, сладкий перец, морковь, кормовую свеклу, бобы, тыквы, кабачки. Из интервью с родственницей известно, что доход семья получала от шитья на заказ (*Постоянно шили. Верхнюю, любую одежду, пододеяльники, простыни – все, что угодно, а все было шитое*) и работы Анфисы Николаевны в клубе.

С помощью ежедневных записей авторы следят за здоровьем домашнего скота и приплодом. Дневник тогда выполняет функцию записной книжки, в которую вносятся точные хозяйственные данные. Чаще всего упоминается разведение овец, о значении которого говорит не только количество записей, но и разнообразие используемой лексики: *баран (26 закололи 2 барана), овца (23 октября стригла овцу белую и т. д.), ягненок (2 июля стригла белую старую с ягнятами и т. д.), буска (буска палец сломала 2 фев 86 год), дзелька (14 сентяб ягнилась бус первый раз 2 дзельки)⁴ [ДА]*. Для точной идентификации животного приводятся дополнительные характеристики (*ревунья, матка, черная – белая, большая – маленькая, старая – молодая, рогатая*) и указание на «родственные» связи с другими овцами: *5 октября ходила с бараном у бел дочь [ДА]*.

Содержание скота важно и для Василисы Ивановны, в чьем хозяйстве были коровы, овцы, свиньи, курицы, лошади. Дневник содержит данные о приплоде, смерти, болезнях, первом весеннем выгоне: *23 -8° – Зула по Машу прив. ПОРОСЕНОК БОЛЕЕТ; 17 -6° да МАРЯ ТЕЛИЛАСЬ телочка. я у Иппол. кишки дел. у быка; у Иппол. телилась корова 1ым молок [ДИ]*. Хозяйка записывает годы жизни домашних животных и наизусть помнит все их клички, о чем рассказывает в интервью: *Вот, все у меня записано: «У Брони жеребята». Вот Лыська, Лысик, кто с какого года, какое число. Лыську, Броню, Санька, Марьяна, Барсик, кот был. Зося, Мымра, Касьяна – кошка, Лиза – кошка. Зорька... вот это собака. Всё записано, я всех... Продали... Броню*

продали, Майку продала 2011-й [год], это после бабушки уже. Домашний скот для нее – не только источник благополучия, но и объект эмоциональной привязанности: 28 – зарез. телят, Милку и Гаврюшу, очень, очень жаль, я ревела, так жаль умнички были. очень скучно без Лены и телят [ДИ]. Прекращение разведения коров осмысливается как рубеж, важный для всей деревни: *Всё! всех коров зарез. кончился коровий род в Новоселовой [ДИ].*

Подробнее, чем в дневнике супругов, отражен в записях Василисы Ивановны досуг. Записи об отдыхе включают упоминание застолий. «Гуляние» сопровождается приездом родственников, употреблением алкогольных напитков, песнями и пляской: 12 – *Петров день! ждем гостей, вот 3 ч., Зом, Никого нет. Приехали вечером: Толя – Таня – Света – Тая с Сашей внучкой, кум М.С. с Олей, уех. в четвертом часу, все было, весело было, пели, плясали; 27 -12° – у Лидки день Рождения 45 лет. все было готовл. весело, пели плясали под. муз. мы пьян. не управ. Валька одна упр. [ДИ].* Автор играет на гармонии, под звуки которой и проходит большинство праздников: *весело было пели песни, я играла на гармошке [ДИ].*

Отражаются в дневниковых текстах и личные взаимоотношения. В парном дневнике они проявляются прежде всего в «жалобных» записях супруги: в семье часто происходили размолвки, муж ревновал и бил жену, выпивал. Как поясняет Н. Г. Сятчихина, *он был очень ревнивый человек, у них часто были стычки, ссоры. Вот. Ревность, чисто ревность.* Однако Григорий Михайлович предстает в записях еще и как отец и глава семьи. Он часто ездит к дочерям, возит им продукты (13/XI *ездил в Кудымкар к Гале. Увез картошку и еще кое-чего; 19/XI ездил к Нине*), Анфиса Николаевна советуется с ним по хозяйственным вопросам (*я сказала и спросила что дрова будем нет возить он сказал что нет [ДА]*). Сама она тоже сообщает о регулярных поездках к дочерям.

В дневнике Василисы Ивановны отношения «жена – муж» носят другой характер. Она во многих записях с теплотой упоминает «дедушку» (супруга), празднует годовщины брака: 30 – *Золотая свадьба [ДИ]*. В ее дневнике отсутствуют рассказы о конфликтах с родными, и даже если не все события нашли отражение на его страницах, перед нами во многом другая модель семейных отношений.

В обоих случаях семья является средоточием повседневной жизни авторов. Они не только оказывают поддержку детям, но и сами получают помощь от младших членов семьи: 17 апреля в мае 18 приезжали Миша сделали огород приез-

жали Таня увезли картошку 20 мая спыхали огород [ДА]; 5 – *М.Е. додел. окно утром, греб. Лог, Серь. нальч. греб. и я, метали, мужики Вера и мы вся семья [ДИ]*. Василиса Ивановна под обложкой дневника хранит фотографии детей и внуков, подаренные ими открытки: *Бабушке... Это внучка у меня, Таня, написала. <...> Это все они, все они...*

«Наивность» нелитературных дневниковых записей не означает их простоту. Усложнения – иногда непреднамеренные – возникают на разных уровнях. Восприятие написанного затрудняет такая черта стиля, как многочисленные сокращения. На жанровую специфику сельских дневников влияет инкорпорирование в них элементов, типичных для хозяйственной книжки и дневника погоды. Постороннему читателю не легко разобраться с родственными, соседскими, приятельскими отношениями, в которые включены авторы, проживающие в замкнутом мире сельского социума. И конечно, изоощренными бывают коммуникативные тактики, направленные на косвенного адресата, как это показывает исследованный парный дневник.

Дневниковые записи – ценный источник для понимания повседневной сельской жизни конца XX – начала XXI в. Этот социум по ряду признаков еще можно отнести к традиционному: здесь «ближний мир имеет более важное значение, нежели большой мир» [Арустамова 2016: 86], имеют место крепкие связи внутри сообщества, осязатима патриархальность взаимоотношений, авторы погружены в бытовое настоящее без рефлексии о прошлом. Труд сельчан неразрывно связан с природой, а качество жизни зависит от успешного ведения личного хозяйства. Всё это как будто выдает в них носителей традиционного крестьянского мироощущения. Однако традиционность сохраняется в основном в приватной, частной жизни. И даже в этой сфере фиксируются явные признаки модернизации: повторные женские браки, отсутствие глубокой религиозности, освоение современных форм досуга. Всё это свидетельствует о полутрадиционном характере описанного семейно-бытового уклада и продолжающемся переходе к современным практикам. Одной из таких практик является и само ведение дневниковых записей, функции которых выходят далеко за пределы хозяйственной прагматики.

Примечания

¹ По этическим соображениям часть сведений об авторах дневников опущена.

² Интервью записали М. А. Брюханова, О. А. Колегова, К. Виноградова в 2014 г. Архив лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (далее – ЛТПФ) ПГНИУ.

³ Записали С. Ю. Королёва и А. С. Беломестнова в 2016 г. Архив ЛТПФ ПГНИУ.

⁴ Диалектное наименование ягненка *дзелька* распространено в русских говорах Урала (СРНГ: 46).

Список источников

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 8. 399 с.

Список литературы

Адоньева С. Б. Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д.И. Лукичёва и Д.П. Беспалова / сост. и вступ. ст. С. Б. Адоньевой. СПб.: Изд-во Пропповского Центра, 2013. 285 с.

Арустамова А. А. Дневник М.П. Сусловой: Человек – природа – социум // Славянские языки и культуры в многоязычном мире: сб. науч. тр. VI Междунар. рос.-македон. конф. / под ред. Н. В. Боронниковой. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2016. С. 83–90.

Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. II. С. 21–24.

Бахматов А. А. и др. Юрлинский край: традиционная культура русских конца XIX–XX вв. / А. А. Бахматов, И. А. Подкоков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2003. 496 с.

Беломестнова А. С., Осипова И. В. «Домашняя» поэзия Петра Иванова // Живая старина. 2016. № 4. С. 24–28.

Дневник М. П. Сусловой (1981–1985): Публикация и исследование текста / под ред. И. И. Русиновой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 263 с.

Дубнякова О. А., Кашина Т. А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1(25). С. 42–49.

Зализняк А. А. Дневник среди других речевых жанров с косвенным адресатом // Маргиналии 2010: границы культуры и текста: Тезисы докладов / отв. ред. и сост. М. Ю. Михеев, А. Г. Кравецкий. Каргополь: [б. и.], 2010. URL: https://www.ruslang.ru/sites/default/files/doc/marginalii/Marginalii-2010_Kargopol.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения». М.: Гнозис: Рус. феноменолог. общ-во, 1996. 255 с.

Королёва С. Ю. «Наивный» дискурс в краеведческих работах К. П. Гусевой // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. конф. / отв. ред. Н. В. Соловьёва, И. И. Русинова. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2014. С. 235–242.

Королёва С. Ю. Юрлинский «русский остров»: семейная и локальная история в зеркале «наивной» письменности // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы / отв. ред. М. В. Ахметова. М.: Изд-во Гос. респ. центра русского фольклора, 2015. С. 163–182.

Королёва С. Ю., Тихонова М. А. Духовные стихи в рукописных поминальных тетрадах (традиция русско-коми-пермяцкого пограничья) // Шаги/Steps. Т. 10, № 3. 2024. С. 128–162. doi 0.22394/2412-9410-2024-10-2-128-162.

Неклюдов С. Ю. От составителя // «Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 4–21.

Четина Е. М., Ключикова Е. А. «Было всё, хорошее и плохое...» («История одной семьи» Нины Ивановой) // Живая старина. 2016. № 2. С. 21–24.

References

Adonyeva S. B. *Muzhskoy rod. Pervoe litso. Edinstvennoe chislo: Dnevnik D. I. Lukicheva i D. P. Bepalova* [Masculine Gender. First Person. Singular: The Diaries of D. I. Lukichev and D. P. Bepalov]. Comp. and introd. by S. B. Adonyeva. St. Petersburg, Propp Centre Publ., 2013. 285 p. (In Russ.)

Arustamova A. A. *Dnevnik M. P. Suslovoy: Chelovek – priroda – sotsium* [The diary of M. P. Suslova: Human – nature – society]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v mnogoyazychnom mire* [Slavic Languages and Cultures in a Multilingual World: a collection of scientific works of VI International Russian-Macedonian Conference]. Ed. by N. V. Boronnikova. Perm, Perm State University Press, 2016, pp. 83-90. (In Russ.)

Bannikova E. V. *Kriterii povsednevnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii povsednevnoy zhizni* [Daily life criteria: theoretical and methodological backgrounds of daily life history]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice Issues], 2011, issue 7(13), pt. II, pp. 21-24. (In Russ.)

Bakhmatov A. A., Podyukov I. A., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V. *Yurlinskiy kray: traditsionnaya kul'tura russkikh kontsa XIX–XX vv.* [Yurlinsky Land: Traditional Culture of the Russians at the

Turn of the 19th–20th Centuries]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003. 496 p. (In Russ.)

Belomestnova A. S., Osipova I. V. 'Domashnyaya' poeziya Petra Ivanova ['Domestic' poetry of Petr Ivanov]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2016, issue 4, pp. 24-28. (In Russ.)

Dnevnik M. P. Suslovoy (1981–1985): Publikatsiya i issledovanie teksta [The Diary of M. P. Suslova (1981–1985): Text Publication and Analysis]. Ed. by I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Press, 2007. 263 p. (In Russ.)

Dubnyakova O. A., Kashina T. A. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika [Communicative and pragmatic particularities of a personal diary]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Language Education], 2017, issue 1 (25), pp. 42-49. (In Russ.)

Zaloznyak A. A. Dnevnik sredi drugikh rechevykh zhanrov s kosvennym adresatom [The diary among other speech genres with an indirect addressee]. *Marginalii 2010: granitsy kul'tury i teksta* [Marginalia 2010: The Borders of Culture and Text]. Kargopol, 2010. Available at: https://www.ruslang.ru/sites/default/files/doc/marginalii/Marginalii-2010_Kargopol.pdf (accessed 01.08.2025). (In Russ.)

Kozlova N. N., Sandomirskaya I. I. *Ya tak khotu nazvat' kino. 'Naivnoe pis'mo: opyt lingvotsiologicheskogo chteniya'* [I Want to Name the Film This Way. 'Naive writing: Experience of linguistic-sociological reading']. Moscow, Gnozis: Russian Phenomenological Society Publ., 1996. 255 p. (In Russ.)

Koroleva S. Yu. 'Naivnyy' diskurs v kraevedcheskikh rabotakh K. P. Gusevoy ['Naive' discourse in local history works of K. P. Guseva]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei* [Philology in the 21st Century: Methods, Problems, Ideas: Proceedings of II All-Russian Conference]. Ed. by N. V. Solov'eva, I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Press, 2014, pp. 235-242. (In Russ.)

Koroleva S. Yu. Yurlinskiy 'russskiy ostrov': semeynaya i lokal'naya istoriya v zerkale 'naivnoy' pis'mennosti [Yurlinsky 'Russian island': Family and local history in the mirror of 'naive' writing]. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike – problemy i perspektivy* [Regional Studies in Folkloristics and Ethnolinguistics – Problems and Prospects]. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2015, pp. 163-182. (In Russ.)

Koroleva S. Yu., Tikhonova M. A. Dukhovnye stikhi v rukopisnykh pominal'nykh tetradnykh (traditsiya russko-komi-permyatskogo pogranich'ya) [Spiritual verses in handwritten memorial notebooks (tradition of the Russian-Komi-Permyak borderland)]. *Shagi/Steps*, 2024, vol. 10, issue 3, pp. 128-162. doi: 0.22394/2412-9410-2024-10-2-128-162. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Ot sostavitelya [From the compiler]. *'Naivnaya literatura': Issledovaniya i teksty* ['Naive Literature': Studies and Texts]. Moscow, Moscow Public Scientific Foundation Publ., 2001, pp. 4-21. (In Russ.)

Chetina E. M., Klyuykova E. A. 'Bylo vsye, khoroshee i plokhoe...' ('Istoriya odnoy sem'i' Niny Ivanovoy) ['There was everything, good and bad...' ('The history of one family' of Nina Ivanova)]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2016, issue 2, pp. 21-24. (In Russ.)

The Rural Non-Literary Diary: The Figure of the Addressee and the Reflected Everyday Life

Alena V. Smirnova

Postgraduate Student at the Department of Russian Philology
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. alenasmirnova21082000@yandex.ru

SPIN-code: 9795-7983

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7283-089X>

Svetlana Yu. Korolyova

Associate Professor in the Department of Russian Philology
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. petel@yandex.ru

SPIN-code: 4734-5735

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

ResearcherID: R-9645-2017

Submitted 18 Aug 2025

Revised 26 Nov 2025

Accepted 30 Nov 2025

For citation

Smirnova A. V., Korolyova S. Yu. Sel'skiy neliteraturnyy dnevnik: figura adresata i otrazhennaya povsednevnost' [The Rural Non-Literary Diary: The Figure of the Addressee and the Reflected Everyday Life]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2026, vol. 18, issue 1, pp. 126–135. doi 10.17072/2073-6681-2026-1-126-135. EDN KAIQJW (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of "naive" non-literary diaries reflecting the everyday life of rural inhabitants at the turn of the 20th and 21st centuries. The research material consists of two diaries belonging to residents of the Yurlinsky District in the Perm Region. The study examines significant genre characteristics of the diary texts as well as the aspects of rural private life reflected in them. Each diary exhibits pronounced formal features: in one case, it is the presence of visual elements, in the other – collective (dual) authorship. This largely determined the subject of our analysis: the article deals with such aspects of diary poetics as the figure of the addressee, the authors' writing style, the structure and functions of the entries, and their visual design. In both cases, the rural personal diaries include the genre traits of household notebooks and weather diaries. In the dual-authored diary, the figure of the addressee becomes more complex since, in addition to auto communication, the entries serve as a means of mediated communication between the co-authoring spouses. The main focus of the article is on an analysis of the everyday life reflected in the diaries, which enables the reconstruction of an "internal" perspective on rural life during a transitional era. The diary authors concentrate on their "immediate world": the entries document everyday chores, the social contacts, which are limited to kinship ties and interactions within the rural community. Gender and age-related attitudes, the notions of social norms and deviations are manifested in succinct descriptions of daily routines, celebrations, conflicts, and mutual assistance. The diary records reflect the ongoing transformation of rural life, marking a transition to modern practices not only in public and professional spheres but also in private, personal domains.

Key words: Russians from the Yurlinsky District; contemporary handwritten tradition; naive writing; everyday life; collective diary; ego-documents; semi-traditional society.